

Елена
Первушина

МОСТЫ ПЕТЕРБУРГА

В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Всё о Санкт-Петербурге

Елена Первушина

**Мосты Петербурга. В прошлом,
настоящем и будущем**

«Центрполиграф»

2024

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Первушина Е. В.

Мосты Петербурга. В прошлом, настоящем и будущем /
Е. В. Первушина — «Центрполиграф», 2024 — (Всё о Санкт-
Петербурге)

ISBN 978-5-227-10658-2

Мост — очень важное инженерное сооружение, особенно для города, расположенного на островах. Но, одновременно, петербургские мосты — это символы города, герои литературных произведений и воплощение души Северной столицы... На протяжении нескольких веков они скрепляют острова, архитектурные ансамбли и судьбы петербуржцев, ведь главная задача мостов — соединять людей. Плашкоутные и постоянные, каменные и деревянные, цепные, чугунные, разводные... Мосты — неотъемлемая часть города на Неве вчера, сегодня и завтра. О роли мостов в градостроительстве и истории Петербурга, в экономической и культурной жизни города рассказано в этой удивительно интересной книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

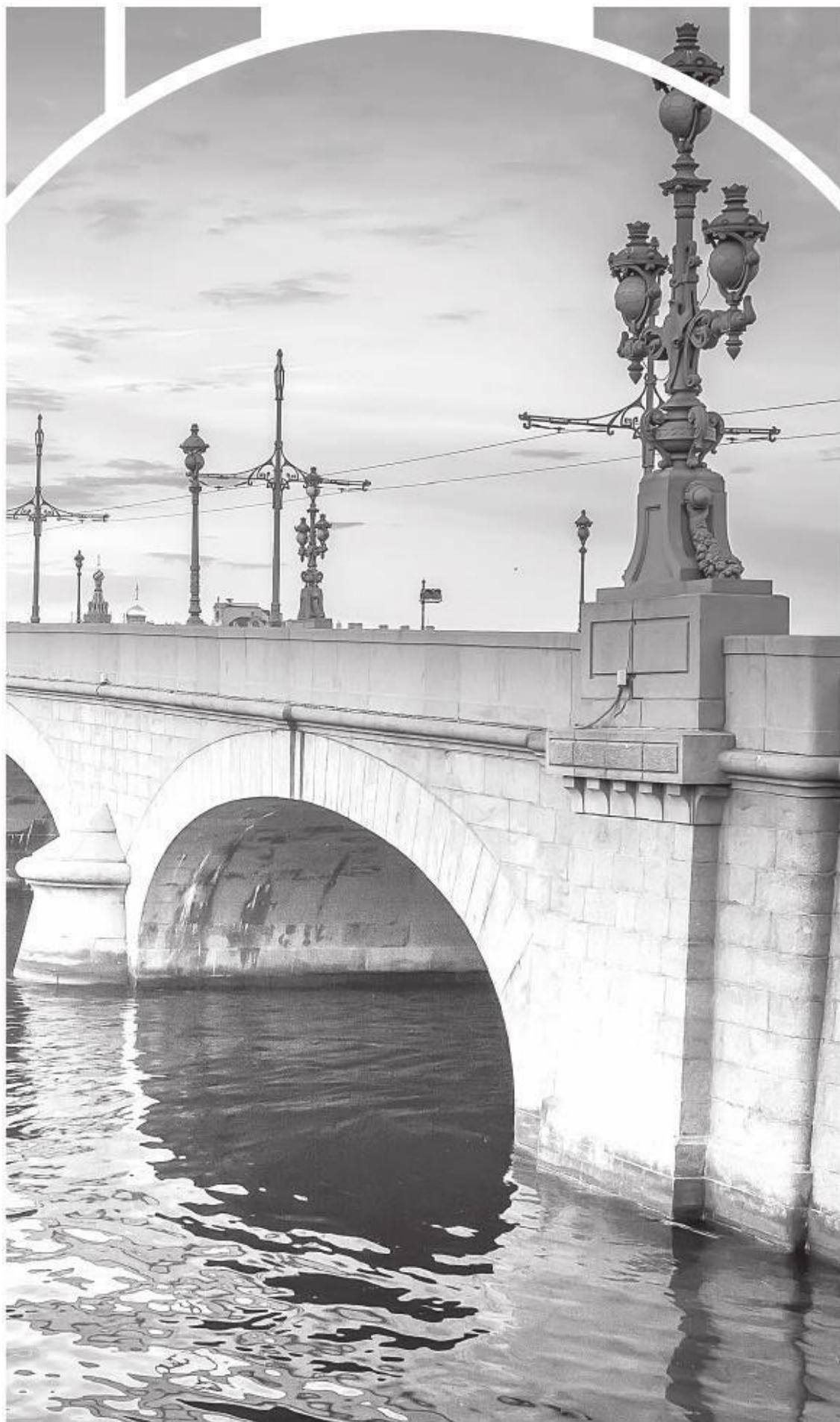
ISBN 978-5-227-10658-2

© Первушина Е. В., 2024
© Центрполиграф, 2024

Содержание

Предисловие	8
Часть I	12
Нюенсканс и Питербурх	12
Планы нового города	16
Город рек и каналов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Владимировна Первушина
Мосты Петербурга
В прошлом, настоящем и будущем

© Первушина Е.В., 2024
© «Центрполиграф», 2024

Предисловие

Наверно всем петербуржцам, и не только им одним, с детства знакомы строки, которыми начитается «Медный всадник» – самая петербургская поэма Пушкина. В них царь-демиург силой своей мысли создает город из небытия, из темной болотной воды и бледных лучей низкого северного солнца. Вы помните эти строки?

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.*

И думал он:

*Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.*

Метафора «Петербург – окно в Европу» также знакома нам с детских лет, она кажется совершенно естественной, и легко вообразить себе, что она возникла в голове царя-основателя. Однако это не так.

Заглянув в авторские примечания к поэме, мы обнаружим, что выражение «окно в Европу» принадлежит вовсе не Петру и не кому-то из его биографов, составлявших пространные списки его высказываний по самым разным поводам, а... итальянцу Франческо Альгаротти, эксперту по живописи и другим произведениям искусства, служившему небезызвестному королю Пруссии Фридриху Великому. Альгаротти побывал в Петербурге в 1732 г., то есть уже после смерти Петра, а позже издал книгу на французском языке «Письма о России», в которой были и те самые слова: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe», что в переводе: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу», на которые и ссылается Пушкин.

Конечно, сразу же в глаза бросается важное различие. У Альгаротти Россия только пассивно смотрит на Европу и даже непонятно – с любопытством или страхом, с надеждой или равнодушно. У Пушкина Петр – активное действующее лицо, он творит историю, его речь изобилует глаголами: «в Европу прорубить окно, ногою твердой стать при море». Совсем не случайно в другом его стихотворении есть такие строки, посвященные Петру I и также наполненные энергией:

*Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

Образ, который создает Пушкин, – не плакатный и не «конфетный». Его Петр может быть жестоким, но поэт верит в справедливость царя:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

*Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.*

Князь Яков Федорович Долгорукий – один из сподвижников Петра, прославившийся своей честностью и склонностью к нелицеприятным суждениям. Он действительно не пал жертвой царского гнева, хотя не раз противоречил царю, умер в почете и уважении. И в своих «Стансах» А.С. Пушкин таким образом напоминал Николаю I, что милосердие – одна из добродетелей монарха и самодержца.

Разумеется, не А.С. Пушкин придумал такой образ Петра I. Именно таким, неутомимо деятельным, энергичным, твердо знающим, чего он хочет, изображали Петра его современники и первые биографы. Например, «царев токарь» Андрей Нартов, автор одной книги «Достопамятные повествования и речи Петра Великого», приводит такую историю, раскрывающую характер его героя: «По дошедшим слухам к государю, что чужестранцы почитают его немилосердным, говорил его величество следующую речь, достойную блюсти в вечной памяти: „Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Богу известны сердце и совесть моя, колико соболезнования имею я от подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, коварство, упрямство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии-то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловредных исправляю по необходимости. Пускай злец клеветает, но совесть моя чиста. Бог судия мой! Неправое разглагольствие в свете аки вихрь преходный“. Читающий сие приметить может, с какою порывистою обнаженностью и соболезнованием говорил о себе сей великий государь. Имевшим счастье быть близ лица монарха сего известна великая душа его, человеколюбие и милосердие. Много было ему домашних горестей и досад, на гнев преклоняющих, и хотя в первом жару был вспыльчив, однако скороотходчив и непаянлив. Ах, если б знали многие то, что известно нам, дивились бы снисхождению его. Все судят только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайных дел его, вострепетал бы от ужаса, что соделывалось против сего монарха».

У Петра были все основания опасаться московского боярства: еще в раннем детстве он и его мать едва пережили стрелецкий бунт, который поставил во главе страны его старшую

сводную сестру Софью. Некоторые из историков считают, что переезд столицы из Москвы в Петербург – это не только движение к морю, движение в Европу и движение в будущее – это еще и... побег. Петр бежал от бояр-заговорщиков, избегая новых покушений на свою жизнь.

Из отрывка, приведенного выше, и из многих других историй, сохранных для нас первыми биографами Петра, мы можем заключить, каким представлялся монарх наиболее образованным его подданным, разделявшим его взгляды и идеалы. И Петербург для них не просто город, не просто город-порт в «сухопутной» стране, много лет лишенной выхода к морю, и даже не просто новая столица с невиданной архитектурой и новым образом жизни – он «вымечтанный» идеал Петра, идеал, воплощенный сначала в земле и дереве, а потом и в камне. Они понимали, почему Петр называл свое детище: город, построенный фактически на болоте с весьма тяжелым климатом и плохо приспособленный для жизни, – «парадизом», то есть земным раем. Так, в 1710 г. он писал Меншикову: «...и вас бы нам здесь видеть, дабы и вы красоту сего Парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть) в заплату трудов своих, с нами купно причастником был, чего от сердца желаю. Ибо сие место истинно, как изрядный младенец, что день, преимуществует». Возможно, здесь игра слов и символов, которую так любили в начале XVIII в. и которой Петр был не чужд как просвещенный европейский государь: святой Петр хранит ключи от Рая, а город, названный его именем, является ключом от моря и от нового европейского будущего России. Конечно, такой город заслужил название «Парадиза», несмотря на нездоровый климат!

И очень рано одним из символов этого рая стали мосты. Думаю, вы уже вспомнили, а если нет, то легко вспомните продолжение пролога к «Медному всаднику»:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.*

Конечно, на самом деле строительство новой столицы продолжалось не одно десятилетие. Она не возникала в одночасье, и ее первоначальный облик был совсем не похож на то, что видел Пушкин, и тем более на то, что видим сейчас мы. И конечно, очень важную роль в планировке города, растущего, по сути, на архипелаге островов в Невской дельте, сыграли

мосты. Об этой роли, о том месте, которую заняли мосты в архитектуре, а главное – в истории города и его жителей, и расскажет эта книга. И начнем мы, как водится, с самого начала.

Часть I

Как наводили мосты в Петербурге XVIII века

Нюенсканс и Питербурх

Пушкин допустил еще одну поэтическую неточность: Петр не возводил новый город посреди дремучего леса. Значение Невы как торгового пути, соединяющего Балтийское море с Ладожским озером, было очевидно еще в Средние века. В XIV в. новгородцы поставили на Ореховом острове, на месте, где Нева вытекала из Ладожского озера, крепость, которую так и называли – Орешек. Позже здесь заключили Ореховский мир – первый договор новгородцев со шведами, который определил границы «зон влияния» обоих государств в Карелии. В XV в. крепость отошла в подчинение Москвы, в начале XVII в. вновь захвачена шведами и стала называться Нотебургом, позже русским потребовалось немало усилий для того, чтобы отвоевать ее.

Не оставляли шведы без внимания и устье Невы. Еще в 1300 г., в ходе одного из военных столкновений Новгорода со Швецией, шведы поставили крепость Ландскрону на Охтинском мысе, при впадении реки Охты в Неву, в трех днях пути от ближайших новгородских крепостей Копорья, Ладоги и Корелы. В Новгородской летописи говорится: «придоша из заморья свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастера, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в нем пороки, похвалившеся оканьнии, нарекоша его Венець земли». Ландскрона, гарнизон которой состоял из 300 человек, почти вдвое крупнее Выборгской крепости, была окружена двумя рвами и имела восемь башен. Но просуществовала она совсем недолго и была сожжена 18 мая 1301 г. новгородскими войсками во главе с великим князем Андреем, сыном Александра Невского. Летописец сообщает: «град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша». Тем и закончилась первая попытка шведов отрезать своих соперников, новгородцев, от побережья Балтийского моря.

Новгородцы не стали возводить свою крепость на месте поверженной Ландскроны, но там основали поселение, в начале XVI в. превратившееся в небольшой город Невское устье с церковью Михаила Архангела, пристанью, таможней и гостиным двором. По-видимому, Невское устье быстро стало бойким торговым местом, сюда прибывали корабли из Выборга, Ивангорода, Ладоги, Нарвы, Новгорода, Норчепинга, Ревеля и Стокгольма.

С началом Смутного времени шведы снова стали проявлять интерес к этой территории. Крепость называли Нюенсканс, что в переводе со шведского означало «Невское укрепление», но позже в литературе закрепился немецкий вариант ее названия – Ниеншанц. Ее построили на том же месте, что и Ландскрону, в 1611 г. Во время Русско-шведской войны 1656–1661 гг. Ниеншанц был взят и разрушен русскими войсками. Однако после войны он и окружающие территории остались за Швецией. На правом берегу Охты под защитой крепости вырос город Ниенштадт, который в основном заселили выходцы из Финляндии. Постепенно его обнесли внешним кольцом укреплений – люнетами с батареями и рвами – от берега Невы и до берега Охты. Город и крепость соединял мост, переброшенный через Охту. Город и крепость просуществовали 85 лет.

Ниенштадт (город на Неве), или попросту Ниен, подчинялся Нотеборгу, но был гораздо крупнее и богаче его. В нем находилось более четырехсот податных дворов, ратуша, две лютеранские кирхи – для шведов и финнов, школа, и его населяли около 2000 человек: шведы,

немцы, русские и финны. На берегу был оживленный порт, рядом располагалась торговая площадь.

За городской чертой находились госпиталь, кирпичные заводы и предприятия, связанные с судостроением. На противоположном берегу Невы, в районе современного Смольного монастыря, было русское и ижорское поселение – Спасское село с православной церковью. В XVII в. постройка моста через Неву была проектом, требующим технологий и ресурсов, недоступных для жителей Ниена, поэтому город и предместья сообщались с помощью паромной переправы.

Первая археологическая разведка в том месте, где стояли прежде город Ниен и крепость Ниеншанц проведена в 1992 г. При раскопках, проводившихся в начале XXI в. на Охтинском мысу в районе современной Красногвардейской площади обнаружили валы и рвы Ниеншанца, а при дальнейших исследованиях – укрепления Ландскроны. В 2000 г. здесь установлен гранитный памятный знак «Крепость Ниеншанц». Экспозицию, посвященную двум этим крепостям, можно увидеть в музее истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости. В 2003 г. на Английской набережной, 6, открыли музей «Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц».

* * *

Осенью 1702 г. Северная война была в самом разгаре, но в Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии наступило затишье. Карл XII считал, что покончил с русской армией под Нарвой и отправился громить войска союзника Петра – саксонского курфюрста и польского короля Августа II.

Воспользовавшись этой передышкой, Петр смог собрать новую армию и осадил Нотебург. Осада с непрерывным артиллерийским обстрелом длилась несколько дней, сам же штурм продолжался 13 часов и стоил жизни многим русским солдатам. В штурме отличилась Семёновский и Преображенский полки, князь Михаил Голицын и Александр Данилович Меншиков. Переправившись на лодках под огнем неприятеля, русские поднялись на стены крепости и захватили ее. Легенда гласит, что Петр, видя отчаянное положение штурмовавших, дал приказ об отступлении, но князь Голицын ответил вестовому: «Скажи Государю, что теперь я принадлежу не Петру, а Богу», – и приказал оттолкнуть лодки от берега, чтобы солдаты не помышляли о бегстве. Так или иначе, а Нотебург был взят и получил новое название – Шлиссельбург, т. е. Город-ключ, так как теперь последние «ворота» на пути к Ниену были открыты. После взятия русскими войсками Нотебурга шведское командование в октябре 1702 г. эвакуировало население Ниена, а город сожгли.

Русские войска осадили Ниеншанц 1 мая 1703 г., и после жестокой бомбардировки гарнизон крепости сдался. Осмотрев укрепления, Петр увидел, что город «не гораздо крепок от природы», и повелел строить новую крепость, но не на прежнем месте, а на одном из островов в дельте Невы. Почему он принял такое решение?

Возможно, причиной послужило появление 2 мая в Финском заливе близ устья Невы шведской эскадры под командованием адмирала Нумерса. Шведы пришли на помощь осажденной крепости, еще не зная, что она сдалась. Какое-то время русским удалось продержаться шведов в неведении, подавая им сигналы выстрелами пушек, 6 мая от эскадры отделились высланные на разведку десятипушечный бот «Гедан» («Щука») и восьмипушечная шнява «Астрильд» («Звезда»). Однако они не успели до наступления темноты войти в Неву и встали на якорь в ожидании рассвета. Ночью тридцать лодок под командованием Петра и Меншикова взяли на abordаж два отделившихся шведских корабля, после чего эскадра Нумерса отошла от берега, но оставалась в Финском заливе до конца лета.

Петр очень гордился этой вылазкой, назвал ее «никогда бываемой викторией» и считал первой победой России в морском сражении. Он велел отчеканить для участников боя специальные медали: офицерам – золотые, а солдатам – серебряные. На одной стороне медали

был портрет Петра I, а на другой – фрагмент боя и надпись: «Небываемое бывает. 1703». По правительственному заказу изготовили гравюры с изображением взятых судов и видом боя. Тем не менее, этот случай показал ему, что крепость, отодвинутую от побережья на материковую часть, будет легко блокировать с моря. Неприятельские корабли могли высадить десант на одном из островов дельты и закрепиться на нем. Для шведов такая угроза была не актуальна – они в тот период владели самым мощным флотом на Балтике. Но российский флот еще только предстояло построить, и если Петр рассчитывал основать верфь в устье Невы, она нуждалась в прикрытии артиллерией. Поэтому русскую крепость решили основать в том месте, где Нева делилась на два широких рукава, на Заячьем острове. Закладка крепости состоялась 16 (27) мая 1703 г., в день Святой Троицы. Одновременно Петр отдал приказ строить крепость на острове Котлин в Финском заливе – форпост, предназначенный защищать строящийся порт и корабельные верфи.

Через узкий канал, отделявший Заячий от будущего Петербургского острова, напротив Меншикова бастиона, построили плашкоутный мост, настил которого помещался на плавучих опорах – широких плоскодонных лодках (плашкоутах), закреплявшихся на месте якорями или специальными оттяжками с берега. Такая технология будет широко применяться для строительства мостов в первые годы существования Петербурга и вплоть до начала XX в.

Иоанновский мост Петропавловской крепости. Современное фото

В 1706 г. на его месте построили новый, «в двух местах подъемный деревянный мост». В «Описании Санкт-Петербурга и Кронштадта в 1710 и 1711 годах» отмечено, что от крепости ведет «прекрасный, в двух местах подъемный деревянный мост, имевший около 300 шагов в длину». Этот мост хорошо различим на карте 1712 г. До наших дней он, разумеется, не сохранился, но именно его по праву можно назвать первым мостом Петербурга.

Позже, в 1738 г., когда стало ясно, что крепости не придется участвовать в боях и выдерживать осады, мост перенесли выше по течению, напротив Иоанновского ревелина. Береговые пролеты нового моста стояли на каменных арках, а центральную часть было решено «для чрезвычайной глубины построить на сваях, с подъемным постом». Впоследствии отдельные части моста неоднократно заменялись, но только в середине XX в. деревянные прогоны были окончательно заменены металлическими балками, мост украсили торшеры с фонарями и он

приобрел современный вид. До 1887 г. мост назывался Петровским, позже его переименовали в Иоанновский.

Название крепость получила почти через месяц – 29 июня, когда, в Петров день, здесь заложили церковь Святых Петра и Павла. 30 июня царь оставил пометку на письме, которое получил от боярина Тихона Стрешнева: «Принята с почты в Санкт-Петербурхе», на следующий день он сам писал: «Из Санкт-Питербурха», а 7 июля: «Из новой крепости Питербурга». Таким образом, у самого Петра можно встретить разночтения в названии крепости, царь писал его то слитно, то раздельно, то с «е», то с «и», то с «х», то с «г». Эти разночтения продолжались еще не один десяток лет.

Планы нового города

Реформы Петра можно рассматривать как продолжение реформ Бориса Годунова и политики первых Романовых (в том числе и заклятого врага молодого царя – царевны Софьи). Окно в Европу начали прорубать еще они, и, по-видимому, этот путь был неизбежен. В начале XVII в. жить изолированно от сложившегося политического и экономического пространства можно разве что на долготе Китая или Японии. Европа уже сама двинулась на Восток – из Польши, из Швеции, и русские цари понимали, что необходимо, прежде всего, налаживать торговые и культурные связи, чтобы не застать внезапно у своего порога незваных гостей с мушкетами и пушками. Но при Петре перемены стали столь явственными, так властно вторгались в каждую область жизни, что их нельзя было не заметить.

И главной витриной этих реформ, разумеется, стал Петербург, город без прошлого, город, где все было впервые и все совершалось не стихийно, а по воле монарха. Совсем не случайно уже в конце XIX в. герой «Записок из подполья» Федора Михайловича Достоевского назовет Петербург «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре».

А современник Достоевского, русский историк, писатель и публицист Михаил Погодин, писал о Петре и тех переменах, которые он привнес в жизнь россиян: «Да, Петр Великий сделал много в России. Смотришь и не веришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону, без того, чтоб он везде не встретился с нами, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье – все он, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!

Мы просыпаемся. Какой ныне день? Первое Января, 1841 года. – Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от Января.

Пора одеваться – наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир – по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга – Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее – этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный.

Приносят газеты – Петр Великий их начал.

Вам нужно искупить разные вещи – все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом, от соленых сельдей и картофеля, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом.

После обеда вы идете в гости – это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам – допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Пойдем в Университет – первое светское училище учреждено Петром Великим.

Вы получаете чин – по Табели о рангах Петра Великого.

Чин доставляет мне дворянство – так учредил Петр Великий.

Мне надо подать жалобу – Петр Великий определил ей форму. Примут ее – пред зеркалом Петра Великого. Рассудят – по Генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать – по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо – Петр Великий поместил Россию в число Европейских Государств и начал внушать к ней уважение, и проч., и проч., и проч.

Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство,

садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия – суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения».

А вот как описывал реформы Петра Алексей Константинович Толстой:

*Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.
Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..
Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.
Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к Святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.
Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Плезно ревеню.
Хотя силен уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.*

Эта двойственность в оценке Петра сохранилась и до наших дней. Конечно, весело думать о том, как удивлялись московские бояре и боярыни, видя своих детей в новых нарядах, с азартом отплясывающими на петровских ассамблеях. Интересно смотреть на картины Н.В. Неврева «Петр I в иноземном наряде» и С. Хлебовского «Ассамблея при Петре I». Забавно читать о том, как царь в гневе рубил боярам-ретроградам бороды (все-таки бороды, но не головы), а потом додумался брать с них «бородовой сбор» для пополнения казны.

Но когда вспоминаешь о массовых захоронениях первых строителей Петербурга, обнаруженных в 2016 г. на Петроградской стороне, становится не до смеха. Захоронения эти очень бедные, на скелетах сохранились только нательные кресты, остатки лаптей и портянок. Очевидно, это могилы рабочих, благодаря каторжному труду которых Петербург «из тьмы лесов, из топи блат, вознесся пышно, горделиво».

* * *

Историки считают, что Петр довольно рано перестал рассматривать Петербург просто как крепость, охраняющую выход к морю, и решил перенести столицу на острова Невской дельты. Вначале город рос стихийно: на Городском, или Петербургском, острове рядом с мостом в ноябре 1703 г. возвели первый храм – церковь Святой Троицы. Рядом появилась пристань, к которой причаливали первые иностранные корабли. Тут же, на площади, построили гостиный

двор и трактир «Аустерия четырех фрегатов», где Петр со своими приближенными отдыхал после трудового дня и отмечал праздники. Уже осенью 1703 г. к устью в новый город прибыло первое иностранное – голландское – судно, но оно не решилось войти в Неву, так как поблизости еще крейсировала шведская эскадра Нумерса. Однако шлюпка с корабля все же рискнула добраться до Заячьего острова, капитан встретился с Александром Даниловичем Меншиковым. Они обменялись подарками, и генерал-губернатор нового города объявил о том, что здесь будет открыт новый порт и передал приглашение всем торговым кораблям. В 1705 г. появился второй – английский – корабль, и вскоре торговые рейсы стали регулярными. В 1719 г. в Петербурге побывали 33 судна (15 голландских, 7 любекских, 5 английских, 4 гданьских, 1 гамбургское и 1 венецианское), в 1720-м – уже 75 судов, в 1722-м – 119, а в 1724 г. – 240. Из Петербурга вывозились пенька, сало, лен, железо, парусина, привозили сюда выделанные ткани, красильные вещества, сахар, кофе. Через петербургский порт шла торговля с западными странами персидским шелком-сырцом.

На противоположном берегу реки возвели еще одно укрепление – Адмиралтейство, в котором строились корабли. Вокруг него быстро росла слобода мастеровых людей (район современных Морских улиц). Дома были в основном мазанковыми или землянками, дерево и камень в новом городе находились в большом дефиците, их приходилось привозить по воде, и они редко использовались для частного строительства. Исключением стал каменный особняк первого губернатора нового города Александра Даниловича Меншикова, который возводился на набережной Васильевского острова, где Петр планировал организовать центр города. Рядом с ним вырастал деревянный Посольский дворец, предназначенный для приемов и праздников.

Адмиралтейство. Современное фото

От Адмиралтейской верфи через Морские слободы в сторону Новгородского тракта (проходившего примерно по нынешнему Лиговскому проспекту) прокладывалась Большая перспективная дорога – будущий Невский проспект. Другим своим концом он должен был упереться в Александро-Невский монастырь, строительство которого началось в 1712 г. Его облик отличался от традиционных русских монастырей, которые представляли собой маленькие, но

вполне боеспособные крепости. Новый же монастырь выходил к Неве, его фасад украшала балюстрада с вазами и цветником.

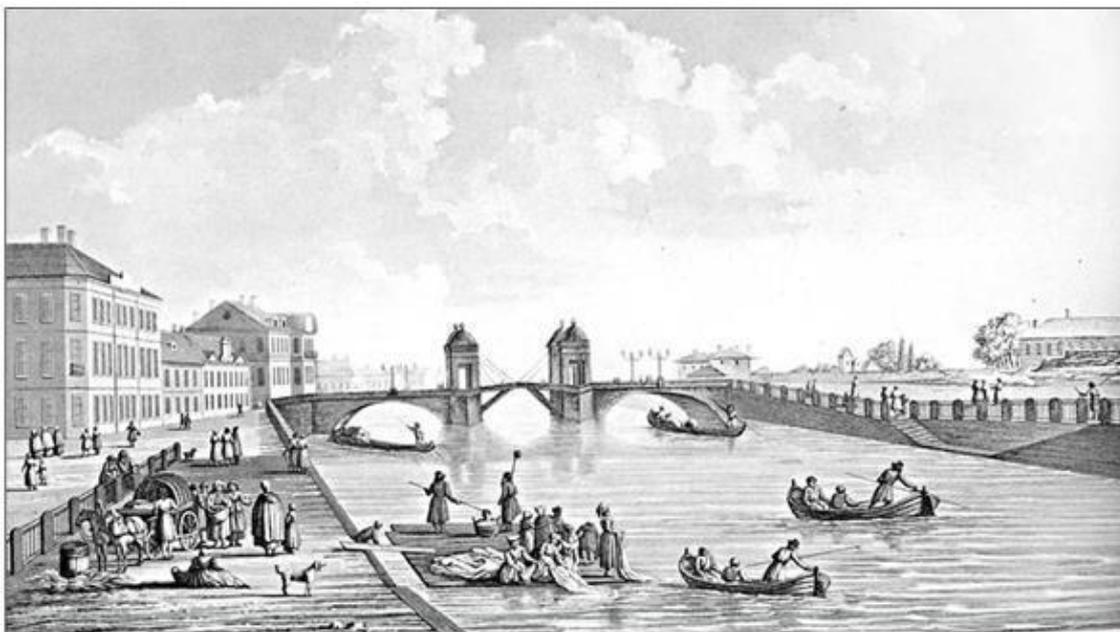
1-й Лаврский мост. Современное фото

Тем не менее монастырь находился на острове, отделенном от «материка» притоком реки Сетунь, которую позже стали называть Черной речкой. Через нее был переброшен небольшой деревянный мост. На этом месте сейчас находится железобетонный 1-й Лаврский мост, построенный уже в середине XX в.

В 1712 г. от монастыря также начали прокладывать дорогу к Новгородскому тракту, но соединились два этих пути в районе Знаменской площади (современной площади Восстания) только в 1760-х гг.

* * *

В 1715 г. перспектива протянулась до Безмянного Ерика (ерик – небольшой проток, соединяющий два водоема), который вскоре начали называть Фонтанной рекой, или Фонтанкой, так как она питала фонтаны Летнего сада. Возникла необходимость перекинуть через него подъемный мост. И вот указ Петра повелевает:

Аничков мост. М.Ф. Дамам-Демартре. 1790-е гг.

Аничков мост. XIX в.

«За Большою Невой на Фонтанной реке по першпективе сделать мост». Он был построен на свайных опорах и протянулся на 150 метров так, чтобы перекрыть не только реку, но и ее заболоченную пойму. Назвали мост по фамилии подполковника-инженера Михаила Аничкова, чей батальон во времена Петра Великого дислоцировался за Фонтанкой в так называемой Аничковой слободе. Видимо, движение по мосту было очень интенсивным, его часто приходилось ремонтировать. До конца XVIII в. прошли четыре таких ремонта.

В XVIII в. по Фонтанке проходила граница Петербурга, и здесь организовали заставу: мост был снабжен шлагбаумом, который опускался в ночное время. На заставе проверяли пас-

порта и брали плату за проезд (деньги, либо камни, которые шли на мощение улиц). В 1730 г. рядом с Аничковым мостом установили деревянную Триумфальную арку, которую возвели для встречи, вступившей на престол императрицы Анны Иоанновны. Впоследствии, в 1742 г., под этой же аркой, отреставрированной и подновленной, проехала, возвращаясь с коронации в Москве, новая императрица – Елизавета Петровна, но уже в 1751 г. арку разобрали.

В 1749 г. мост укрепляли для того, чтобы по нему прошли слоны, подаренные императрице Елизавете Петровне шахом Ирана. В камне мост перестроили в 1782–1787 гг.

Сразу после постройки первого Аничкова моста, в 1718–1720 гг., перекинули мост и через Мойку. Построенный из дерева, с подъемным пролетом, в 1777 г. его заменили трехпролетным мостом с каменными опорами.

В 1735 г. деревянные мосты на Мойке покрасили, и мост на продолжении Невского проспекта получил название «Зеленый». Позже он стал носить другое имя – Полицейский. О происхождении такого названия существуют две разные версии. По одной из них, мост назвали из-за находившегося рядом Управления городской полиции (позже этот дом занимал Придворный госпиталь), по другой, – из-за располагавшегося недалеко от моста дома петербургского генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина. В 1806 г. деревянный мост заменили чугунным.

Полицейский мост. 1700-е гг.

Между Мойкой и Фонтанкой проходила еще одна река, носившая название Глухой, или Кривуши. Она брала начало из болота, находившегося между нынешними Конюшенной площадью и площадью Искусств, и впадала в Фонтанку неподалеку от Калининской деревни. С 1716 г. в створе Большой перспективной дороги через нее перекинули деревянный мост. В 1737 г. мост получил имя Рождественский по расположенной рядом церкви Рождества Богородицы. Со второй половины XVIII в. Рождественскую церковь стали называть Казанской – по чудотворному образу Казанской иконы Божией Матери. Такое же наименование закрепилось и за новым каменным мостом, построенным в 1766 г.

Напрашивалась идея продлить эту речку до Мойки и параллельно Фонтанке, что помогло бы осушить близлежащую территорию. Эти весьма трудоемкие работы начались в 1764 г.

и закончились только в 1783 г., во времена Екатерины II, и речка Кривуша стала называться Екатерининским каналом.

Каменный Казанский мост. Современное фото

* * *

В 1712 г. в Санкт-Петербург из Москвы переехал царский двор, и с этого года Петербург стал считаться столицей России. Новая столица не должна была расти стихийно, требовался проект, желательно составленный кем-то из европейских зодчих. Первую попытку предпринял в 1717 г. недавно приехавший в Петербург французский королевский архитектор Жан-Батист Александр Леблон. По решению Петра, центр города должен был располагаться на Васильевском острове и представлять собой настоящую Северную Венецию или Амстердам – города на воде, с улицами-каналами, пересекавшимися под прямым углом. Известно, что во время своего первого заграничного путешествия Петр I некоторое время жил в Амстердаме и очень хотел побывать в Венеции, но, кажется, так и не добрался до нее – известие о восстании стрельцов, поднятом царевной Софьей, потребовало его немедленного возвращения в Москву. Однако мечта о городе на воде никак не хотела оставлять царя. Леблон начертил для него план города-крепости с каналами-линиями и круглыми площадями на их пересечениях, где могли бы разворачиваться суда.

Согласно плану Леблона, центром города должен был стать царский дворец, стоящий на берегу Невы. Его окружали бы каналы, окаймлявшие квадратную площадь. От площади шли четыре диагональные улицы к четырем церквям. Вокруг дворца располагались кварталы для сановников, образуя концентрические круги. Остров пересекала сложная сетка каналов, шириной в 12,8 и 6 сажень (1 сажень = 2,13 м). Ширина улиц вместе с каналами доходила до 25 сажень. Леблон надеялся, что каналы способствуют осушению почвы, а вынутый грунт поднимет ее уровень.

Однако этот план не учитывал уже имеющиеся городские постройки: в него не входили ни Летний сад с дворцом, ни Троицкая площадь с пристанью и рынком, он «отрезал» крепостной стеной часть Адмиралтейской слободы.

Дополнить проект Леблон решили, использовав план другого архитектора – итальянца Доменико Трезини. Трезини также поместил центр города на Васильевском острове, но не стал, как Леблон, отгораживать город от моря крепостной стеной. По проекту Трезини, Васильевский остров также должны пронизывать каналы, но их сетку итальянец сделал более простой, предусмотрел в глубине острова большой зеленый парк, «вписал» в план уже имеющиеся постройки на Петербургском острове и по левому берегу Невы.

Жан-Батист Леблон занял место в истории Петербурга как автор проекта «образцового» дома для застройки набережных и планировки Верхнего парка в Петергофе, участвовал в строительстве Большого Петергофского дворца и отделке Монплезира. Трезини проектировал форт Кроншлот, здания Двенадцати коллегий и Александро-Невской лавры, возвел каменный Петропавловский собор, перестроил дворец Меншикова и Зимний дворец Петра I, а также Аничков мост. Однако оба плана – и Леблон, и Трезини – оказались не реализованы, так как были совершенно нереалистичными, точнее, нереалистична сама идея Петра перенести центр города на Васильевский остров. Наведение постоянного моста через Неву в начале XVIII в. – очень сложный проект, да и не рациональный. Технические условия позволяли построить только плашкоутный мост, который не смог бы работать во время ледохода, а в период навигации мешал бы движению по Неве судов, но Нева – основная транспортная артерия города, по ней подвозили лес к острову Новая Голландия, где организовали склады. Для успешной войны со шведами на море был необходим шхерный флот, который формировался из галер, их корпуса строили в Галерном дворе (на правом берегу реки Мойки, вблизи ее устья), а потом переводили в Адмиралтейство для оснастки. Везли смолу из Смольного двора, находившегося за границами города, так как в ее производстве велика опасность пожара, сырье для первых фабрик, мастерских и мануфактур. Город также нуждался в постоянном подвозе припасов, и в этих условиях постоянный мост через Неву служил бы скорее помехой.

Одна из легенд, связанных с первыми днями Петербурга, гласит, что Петр I не хотел строить через Неву мосты, так как мечтал вырастить из петербуржцев храбрых мореходов. Действительно, еще в 1716 г. царь учредил в Петербурге на берегу Фонтанки Партикулярную верфь для строительства малых судов (канал, соединяющий эту верфь с Невой, проходил по современной улице Чайковского). Суда он бесплатно раздавал своим сановникам, флотским офицерам и кораблестроителям, сенаторам и т. д. – «в вечное и потомственное владение, с тем, однако ж, чтобы владельцы их починивали и вновь делали уже на свой счет». За два года построили 141 судно различных типов. Они составили Невский флот, которым командовал Невский комиссар. 12 апреля 1718 г. издан именной указ Петра I «О содержании розданных обывателям парусных и гребных судов, в исправности и чистоте, о построении на место оных по тому же образцу новых, о выезде всех на оных судах по данному сигналу для обучения Навигации и о наблюдении комиссара за исправности содержания судов частными обывателями». Юнкер Фридрих Вильгельм Берггольц, сопровождавший жениха старшей дочери Петра Анны герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, описывает маневры такого флота, который больше напоминают пышный праздник и заканчиваются «завтраком на траве» в Екатерингофе. Однако содержание такого флота не прихоть Петра и не проявление его страсти к просвещению русского народа – оно являлось необходимостью, так как в условиях строящегося города водный транспорт был во многих случаях самым удобным. Но по этой же причине наведение постоянных мостов через Неву приходилось откладывать на неопределенный срок. Впрочем, необходимость все же заставила городские власти вскоре пойти на этот шаг. Тот же юнкер Берггольц рассказывает, как с риском для жизни он переплывался бурной осенней ночью на ялике через Неву на Васильевский остров, чтобы попасть на праздник во дворце Меншикова. А англий-

ский путешественник, побывавший в столице в 1730–1731 гг. (через пять лет после смерти Петра I), уже описывает «хороший красивый мост на понтонах» через Неву. Этот мост протянули еще в 1727 г., и через пять зимних сезонов его полностью обновили, усовершенствовав конструкцию. Но плашкоуты все равно постоянно требовали ремонта или замены, их могло сорвать с якоря, повредить во время ледохода.

Строительство каналов на Васильевском острове шло медленно, а после смерти Петра и вовсе остановилось, центр города перенесли на левый берег Невы, и он стал формироваться вдоль Большой перспективной дороги. А это означало, что он будет включать в себя множество островов, частью давно существовавших, частью возникших из-за прокладки каналов и протоков, а следовательно, городу потребуется много новых мостов.

Город рек и каналов

Население города непрерывно росло. В течение первой трети XVIII в. оно достигло 40 000, а во второй его половине превысило 100 000. Эти люди непрерывно находились в движении: перемещались по городу из слободы в слободу, ездили в ближние пригороды, возвращались в центр. Естественно, городу требовалось много мостов, а там, где построить мосты было невозможно, следовало наладить переправу через реки.

Место, где Охта впадала в Неву, теперь находилось за чертой города (и останется там же на протяжении всего XIX в.). Здесь сохранились финские деревни, жители которых снабжали город продуктами. Охтенских молочниц-финок, рано утром разносивших кувшины молока по всему городу в XIX в., упоминает Пушкин в первой, «петербургской» главе «Евгения Онегина», и не только он один.

В водевиле П.И. Григорьева «Петербургский анекдот с жильцом и домохозяином» молочница-охтенка поет:

*Уж и так молва презлая
Нам покою не дает,
Охта Малая, Большая
Нас вертушками зовет.
Хоть смеюсь я их угрозе,
Но на Охте все кричат,
Будто к нам на перевозе
Подъезжает всякий хват;
Будто охтенки-красотки
Любят все пощеголять
И на даче Безбородки
В воскресенье погулять.*

«Перевоз», который упомянут в этих строках, – это переправа через Неву к Смольному монастырю, зимой по льду, а летом на яликах, откуда охтенки-молочницы начинали свой утренний обход города. Российский писатель XIX в. Павел Васильевич Ефремовский так описывал их: «Посмотрите, как кокетливо охтянка выступает зимою, таща за собою санки, нагруженные кувшинами с молоком и сливками. Наряд ее, особливо при хорошеньком, свежем личике, поддурманенном морозом, очень красив: кофта, опушенная и часто подбитая заячьим мехом, очень хорошо выказывающая стройность талии; ситцевая юбка и синие чулки с разными вычурами и стрелками. Все это, вместе с красивыми лицами, встречаете вы у молодых охтянок. Но вместе с ними отправляются на торговлю также и матушки, тетушки, а что мудреного – и бабушки, потому что нередко случается видеть на улицах Петербурга пожилых женщин, которым, кажется, едва под силу тащить тяжелые кувшины; оттого подле этих почтенных женщин найдете вы нередко двенадцатилетних спутниц, которые, знакомясь с городом, вместе с тем помогают старушкам в их тяжелой работе».

Памятник Охтинке-молочнице. Современное фото

Дача А.А. Безбородко. Современное фото

Знаменитая ограда дачи А.А. Безбородко. Современное фото

В Охту впадали несколько притоков: Лубня, Муринский ручей, Оккервиль. В городскую черту их районы вошли только в XX в. Недалеко от места впадения Охты в Неву в XVII в. находилась усадьба с садом коменданта крепости Ниеншанц. Вскоре после основания Санкт-

Петербург Петр I подарил ее своей жене Екатерине. В 1718 г. здесь обнаружили источник минеральных вод, качество которых высоко оценил Петр. Этот участок получил название мызы «Полюстрово» от латинского слова «палюстер», то есть «болотистый». Вскоре здесь основали курорт.

На рубеже XVIII и XIX вв. владельцы курорта продали участок канцлеру Александру Андреевичу Безбородко, для которого по проекту Джакомо Кваренги возвели новый особняк. В начале XIX в. в усадьбе появилась знаменитая ограда, состоящая из 29 львов. Ее создатель, предположительно, – Николай Александрович Львов. Наследники Безбородко снова превратили усадьбу в курорт с лечебными ваннами, рестораном, музыкой и танцами по вечерам. Именно там любили гулять охтенские молочницы, по уверению Григорьева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.